

RU

«Я все еще живу...»:
из истории повседневной жизни
нацистских концентрационных лагерей
по воспоминаниям узников из Дагестана

Каймаразов Г. Ш., Каймаразова Л. Г.

Аннотация. Цель исследования состоит в том, чтобы с учетом современных историографических наработок, с использованием культурно-антропологического подхода, нарративного анализа, сравнительно-исторического, описательного, биографического методов и метода исторической реконструкции воссоздать некоторые аспекты повседневной жизни нацистских концентрационных лагерей в 1942-1945 гг., восполняющие пробелы в их изучении. Хронологические и географические рамки выбраны с учетом пребывания узников из Дагестана в нацистских концентрационных лагерях на территории Германии, европейских стран, оккупированных районов Советского Союза. **Научная новизна** работы определяется тем, что поставленная задача решалась на основе анализа впервые вовлеченных в научный оборот воспоминаний узников нацистских концлагерей, произведений их лагерного творчества, а само исследование носит междисциплинарный характер. **Полученные результаты** показали, что события, связанные с историей нацистских концентрационных лагерей, не теряют своей актуальности, исследование привлечет внимание историков, социологов, психологов, а его материалы могут быть использованы не только в научной, но и в воспитательной и педагогической деятельности.

EN

“I Am Still Alive”:
From Everyday Life of Nazi Concentration Camps
(by the Material of Dagestan Prisoners’ Memoirs)

Kaimarazov G. S., Kaimarazova L. G.

Abstract. The paper aims to reveal certain unknown aspects of everyday life of Nazi concentration camps in 1942-1945. The study is conducted within the framework of the cultural-anthropological approach and is based on current historiographical data. The research methodology includes the narrative analysis method, comparative-historical, descriptive, biographical methods and the method of historical reconstruction. Chronological and geographical framework of the research is determined in accordance with the research objective: to present a view of Dagestan prisoners of Nazi concentration camps located throughout the war theatre (Germany, European countries, occupied territories of the Soviet Union). Originality of the study is conditioned by its interdisciplinary nature and also by the fact that the researchers introduce Nazi concentration camps prisoners’ memoirs and their “prison” works into scientific circulation. The following conclusions are justified: studies on history of Nazi concentration camps are relevant, the article is of interest for historians, sociologists, psychologists; the research findings can be used for scientific, educational and pedagogical purposes.

Введение

В истории Второй мировой и Великой Отечественной войны имеются не только героические, овеянные славой и величием боевых подвигов страницы, но и трагические, наполненные горечью потерь, воспоминаниями о миллионах погибших на фронте, в тылу, в фашистских лагерях. События, связанные с историей нацистских концентрационных лагерей, с происходившим в них массовым истреблением людей разных национальностей, – одна из самых чудовищных страниц новейшей мировой истории.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью демонстрации подлинной сути преступлений нацистского режима Третьего рейха для формирования и сохранения коллективной памяти об этих трагических событиях, что будет препятствовать искажению исторической правды о минувшей войне в угоду политическим пристрастиям и меняющейся конъюнктуре. **Практическую значимость** исследования повышает то, что изучение повседневной жизни нацистских лагерей смерти, извлечение из этого относительно недавнего прошлого исторических уроков позволяют прогнозировать последующий ход современного развития и показывают, к каким драматическим последствиям может привести массовое воспитание на идее нацизма.

Авторы статьи в ходе достижения обозначенной цели исследования сосредоточились на решении следующих **задач**:

- опираясь на эго-документы как один из видов носителей исторической, социальной, культурной информации, принципиально отличающихся от официальных документов, статистических отчетов и прочих материалов, получить новое историческое знание по истории Второй мировой войны;
- проанализировав воспоминания оставшихся в живых узников нацизма через контекст понятия «историческая память» и связанные с ней психологические переживания [10, с. 85], воссоздать живую историческую картину повседневности нацистских лагерей, жизни заключенных, описать их страдания, мысли, эмоции, взаимоотношения и каждодневную борьбу за выживание;
- на основе анализа оказавшихся в нашем распоряжении воспоминаний узников из Дагестана показать некоторые аспекты культурной жизни в нацистских концентрационных лагерях, а также охарактеризовать отдельные произведения лагерного искусства, в частности стихи и песни, сочиненные ими.

Методологическую основу исследования составили основные принципы исторического исследования, прежде всего принципы историзма и объективности. Культурно-антропологический подход (используется историками, этнологами, социологами, культурологами, филологами и др.) позволил получить представление о социокультурной среде, к которой принадлежали авторы воспоминаний. При решении поставленных задач применялись следующие **методы исследования**: нарративный – для анализа текста воспоминаний о произошедших событиях в их временной последовательности; ретроспективный – для обращения к прошлому через реконструкцию событий; сравнительно-исторический – для выявления общего и особенного в воспоминаниях узников лагерей из Дагестана и других районов страны; историко-биографический – для реконструкции жизни, деятельности, создания психологического портрета личности (также междисциплинарный метод, широко применяемый в истории, психологии, социологии, культурологии).

Переходя к характеристике **теоретической базы** исследования, отметим, что система концентрационных лагерей занимает особое место в современной отечественной и зарубежной историографии институтов преследования и террора нацистской Германии. Первыми в историческом изучении проблемы оказались немецкие авторы, проявление научного интереса которых к истории концентрационных лагерей пришлось на середину 1980-х гг., а выход первых обобщающих работ в «новой» ФРГ (В. Зофски, Й. Тухель, У. Херберт, Б. Вайсброт и др.) – на начало 1990-х гг. [7, с. 50]. В эти десятилетия развернулись общественная дискуссия об итогах Второй мировой войны и споры вокруг исторического места нацистского режима, расширилась источниковая база, стали применяться новые методологические подходы к изучению событий войны. На актуализации исследования проблемы сказались также желание укрепить мирные отношения с европейцами и приход в науку нового поколения историков. В последующем «произошел прорыв в изучении внутренней жизни концентрационных лагерей Германии с помощью постмодернистских методов исследования» [8, с. 75]. Солидный опыт изучения лагерной системы нацизма накоплен и в других странах. По мере выхода в свет новых публикаций выяснялось, что история нацистских лагерей нуждается в дальнейшей разработке с использованием новых методик, достоверных и разнохарактерных источников, применением междисциплинарного подхода.

Российские ученые начали разработку проблемы сравнительно недавно. Разные аспекты истории нацистских концентрационных лагерей рассматривают в своих трудах Л. Н. Пушкарев, Е. И. Кудрин, Е. М. Малышева, Л. Н. Корнева, Т. Б. Суравицкая, С. В. Аристов. С. В. Аристов первым в зарубежной и отечественной историографии обстоятельно изучил тему повседневной жизни нацистских концентрационных лагерей и в 2017 г. выпустил книгу с аналогичным названием [2].

Дагестанской историографией тема практически не изучалась. В конце 1950-х гг. в республиканской газете «Дагестанская правда» вышла большая статья писателя-журналиста, который в ходе подготовки своих очерков добросовестно «добывал» ценные исторические факты и ответственно относился к их интерпретации. Речь идет о статье Дм. Трунова «Узницы Равенсбрюка». В 1960 г. ученые Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР О. Блюмфельд, А. Мелешко и М. Кичев выпустили объемную книгу воспоминаний участников Великой Отечественной войны [5]. В сборнике были опубликованы и воспоминания четырех узниц женского концентрационного лагеря Равенсбрюк, о которых писал Дм. Трунов.

Опубликованные в упомянутых изданиях и выявленные в архивах республики эго-документы составили источниковую базу исследования. Воспоминания узников концентрационных лагерей, которые оказались в нашем распоряжении, хранятся в Центральном государственном архиве Республики Дагестан (ЦГА РД) в фонде известного организатора поисковой работы В. В. Макаровой (фонд 1405-р). Среди них воспоминания узников лагеря Бухенвальд И. В. Артюхова и В. А. Поветьева, узника лагерей Дахау, Бухенвальд, Маутхаузен И. П. Концедалова, узника лагерей на территории Германии и Норвегии В. Н. Лазутина и узниц женского лагеря Равенсбрюк К. М. Поветьевой, К. А. Денисовой, А. В. Бляновой и П. М. Ибашевой.

Повседневная жизнь нацистских концлагерей по воспоминаниям очевидцев

Поначалу историю нацистских лагерей писали бывшие узники на основе собственных воспоминаний, которые в первые послевоенные годы были практически единственным свидетельством о том, что происходило за высокими стенами и колючей проволокой лагерей. Поскольку воспоминания, как источник личного происхождения, – это один из наиболее субъективных исторических источников, тем более воспоминания, отложившиеся в памяти в экстремальной обстановке, к их анализу стоит подходить особенно взвешенно. Если воспоминания синтетируются с традиционными историческими источниками, то в этом случае они становятся более объективными. Такой подход мы увидели в воспоминаниях Ивана Власовича Артюхова, который до войны служил в НКВД, а в послевоенный период, по всей видимости, в связи с его служебной деятельностью имел возможность пользоваться доступными ему источниками. Насыщены достоверной информацией и воспоминания дагестанских узниц Равенсбрюка. Записанные опытным журналистом и квалифицированными сотрудниками Института истории, языка и литературы, они сверялись с официальными данными, архивными документами, историческими трудами, уже опубликованными воспоминаниями узников концентрационных лагерей других районов страны. Научный подход при публикации воспоминаний К. Денисовой, К. Поветьевой, А. Бляновой и П. Ибашевой несомненно повысил их достоверность и фактологическую ценность. Сказался и уровень образования авторов воспоминаний: в большинстве своем они имели образование не ниже среднего специального.

Исследователи Е. М. Малышева и С. В. Аристов на страницах «Военно-исторического журнала» предложили обзор типов источников, составляющих основную источниковую базу по проблеме изучения повседневной жизни концентрационных лагерей [10]. Кратко охарактеризовав мемуары бывших узников, среди других типов источников они выделили: воспоминания бывших нацистов, количество которых по сравнению с численностью воспоминаний узников ничтожно мало, и в них авторы пытаются преуменьшить свою роль в осуществлявшихся преступлениях; материалы уголовных дел, в первую очередь протоколы допросов нацистов и их пособников, свидетельские показания узников концлагерей; делопроизводственные документы администраций лагерей; кинофотодокументы; материалы частных коллекций.

Исследователи охарактеризовали еще один тип источников, который близок к мемуарам. Это устные интервью, наиболее сложные для анализа из-за деформации памяти о событиях, после которых прошло не одно десятилетие, и воздействия официального, идеологически скорректированного нарратива о жизни в концлагерях, что приводит к восприятию этого опыта как собственного [Там же, с. 85]. Нам довелось иметь дело и с таким видом источников, правда, опосредованно.

В 1984 г. в гостях у К. А. Денисовой в рамках проводимой патриотическо-воспитательной акции по сбору устных воспоминаний участников войны, которая в 1980-е гг. приобрела характер всесоюзной, побывав студент стоматологического факультета Дагестанского медицинского института Сергей Суменов. Отвечая на его вопросы, Клавдия Александровна рассказала о жизни лагеря, судьбах его заключенных и о том, как на 25-летие освобождения из концлагеря она ездила в Германию, где у стен Равенсбрюка бывшие узницы дали клятву:

КЛЯНЕМСЯ!

Никогда не забыть черную ночь Равенсбрюка,

Детям детей рассказать обо всем,

До конца своих дней крепить дружбу, мир и единство,

Уничтожить фашизм [16, д. 130, л. 6-7]!

В нашем распоряжении оказалось и устное интервью Зинаиды Петровны Савельевой, уроженки Ленинградской области, бывшей узницы лагеря в Кингисеппе, которая в одну из служебных командировок оказалась в Дагестане, полюбила его горы, море, особенно море... и переехала с семьей в Махачкалу. В 2013 г. на РГБК «Дагестан» был снят фильм «Память поколений» (авт. З. Рамазанова), в котором Зинаида Петровна дает обширное интервью. Копия фильма и материалы встречи с сотрудниками госархива хранятся в ЦГА РД.

Итак, при выполнении исследования мы опирались на доступные нам в основном архивные материалы и, в частности, пользовались двумя их типами – воспоминаниями бывших узников концлагерей и записями нескольких устных интервью.

Устройство нацистских лагерей

Что же такое повседневность концентрационных лагерей? Обстоятельную картину представил в своей книге С. В. Аристов, и мы воспользуемся его схемой. Это, прежде всего, лагерный мир СС – коменданты, рядовой состав, пособники-коллаборационисты, которые осуществляли масштабную эксплуатацию и масштабные убийства. Затем, это мир заключенных, к которому нам удалось больше всего приблизиться, изучая воспоминания узников лагерей.

В воспоминаниях значительное место отводится описанию лагерного пространства. Здесь речь идет об архитектуре концлагерей, устройстве бараков. Об этом подробно рассказывают И. В. Артюхов и узницы Равенсбрюка. Описывая лагерь, бывший узник Бухенвальда И. В. Артюхов сообщал: «Его огромная территория была огорожена двойной оградой из колючей проволоки под напряжением высокого тока. Через каждые 100 метров – пятиметровая вышка с эсэсовцем и пулеметом, направленным в лагерь» [Там же, д. 115, л. 3].

Узницы из Дагестана рассказывали, что Равенсбрюк также «представлял собой огромную территорию, обнесенную каменной стеной в 4 метра высоты. Изнутри и сверху стена была опоясана колючей проволокой, через которую пропускаться ток высокого напряжения. Внутри двора располагалось 37 деревянных бараков – “блоков”, в каждом размещалось от 500 до 1000 человек. Блок делился на две половины, в каждой стояли деревянные кровати в три яруса. Соломенный матрац, соломенная подушка и летнее серое одеяло составляли постель (бараки не отапливались). Середина блока образовывала длинный коридор, в конце которого стояли небольшие столы, за каждым вплотную садилось по 6 человек. Больных помещали в больницу – “ревир”, но там фактически приближался час смерти... Еще были в лагере штрафблок, бункер (тюрьма с одиночными камерами), баня. В 1944 г. в Равенсбрюке построили газовую камеру и крематорий для уничтожения заключенных» [5, с. 651].

Быт узников концлагерей и система «самоуправления»

Быт заключенных в той или иной степени описан в каждом из воспоминаний. Его описание начиналось с момента прибытия в лагерь. Вот что рассказывали узницы из Дагестана: «Нас привезли в Равенсбрюк в феврале 1943 года. Прямо на улице заставили раздеться и держали на холоде совершенно нагими в очереди в баню. В бане остригли, выдали полосатую тюремную одежду, деревянные башмаки и каждой свой номер. Мы должны были забыть теперь имена и фамилии, помнить только номер. По этим номерам нас выкликали на поверке (“аппель”), по ним вызывали тех, кто предназначался к наказанию или уничтожению. У Поветьевой был номер 37822, у Денисовой – 37170. Ибашева и Блянова своих номеров теперь уже не помнят» [Там же] (номера узниц лагеря Равенсбрюк печатались на материи и нашивались на рукав. – Г. К., Л. К.). Аналогичные сведения сообщал и И. В. Артюхов: «По прибытии в лагерь Бухенвальд охрана эсэсовцев нас встретила зверски, во всеоружии. Перед политическим отделом лагеря часами сидели на корточках, скрестив руки на затылке, пока проверяли наши скудные пожитки. Потом голыми нас погнали на санобработку... Потом поливали из пожарного шланга. Нам выдали костюмы из полосатой материи – “зебры”, деревянные колодки. Выдали личный номер. Теперь забудь, как тебя звали. Твое имя отныне – 87650. На грудь пришили красный треугольник – значок политических заключенных. Сколько было возможности погибнуть, а я все еще живу» [16, д. 115, л. 4].

Условия жизни в лагере, еда, одежда были такими, чтобы держать узников на грани выживания. Девушки из Дагестана вспоминали: «В 4 часа наступал подъем, начиналась утренняя переключка. Мы выстраивались во дворе по десяткам, на расстоянии метра друг от друга. Надзирательницы (“ауфзеерки”) по нескольку раз в день пересчитывали нас, и мы стояли иногда по 3 часа, несмотря ни на какую погоду. Тех, кто не мог стоять или произносил хоть слово, избивали. Затем следовал завтрак – черный кофе без сахара и буханка хлеба (килограмма полтора) на 6 человек на весь день. По воскресеньям давали такую буханку на четверых, граммов по 20 маргарина и по ложке повидла. Мы обычно собирали эти “деликатесы” и отдавали слабым, больным и детям. После завтрака шли работы во дворе: по 12-14 часов в сутки пересыпали лопатами песок и гравий, утрамбовывали двор. В два часа получали суп из брюквы с небольшим количеством искусственного жира – и снова за работу. Вечером, часов в шесть, нам давали чай или какую-нибудь баланду» [5, с. 652]. «Жили на полуголодном пайке. За малейшую провинность узников привязывали к столбу, на других натравливали овчарок... Сколько было замучено в карьере-каменоломне на территории лагеря! Люди умирали от ран, от голода, от дизентерии, от вшей, которые добирались до костей» [16, д. 115, л. 4], – рассказывал И. В. Артюхов. З. П. Савельева вспоминала, что в пересыльном лагере в Кингисепе голод был просто невыносимый, спали на цементном полу, на соломе, все вместе в ряд – и мужчины, и женщины. Пересыльные целый год не мылись, и из-за этого тела их полностью покрывались коростой.

Система «самоуправления» также довольно подробно описывается в воспоминаниях И. В. Артюхова и узниц Равенсбрюка. «Ввиду большого наплыва в Бухенвальд узников 18-ти национальностей, которых насчитывалось до 80 тыс., лагерному командованию внутри лагеря приходилось все больше полагаться на самоуправление узников» [Там же, л. 6], – вспоминает И. В. Артюхов.

Хотя проблема «самоуправления» узников – одна из наиболее дискуссионных в современной историографии нацистских концентрационных лагерей, исследователи сходятся во мнении о его иерархии. Во главе стоял староста, который имел право управлять лагерными заключенными. В женских концентрационных лагерях роль старосты выполняли старшие надзирательницы. Далее следовали лагерные писари, лагерные курьеры, так называемые «капо», которые руководили работой бригад узников. За «элитой» лагеря из числа заключенных следовали другие представители системы – функционеры, занятые на кухне, в бане, на складе с одеждой, в лагерной больнице – ревире, старосты блока, старшие по части барака и те, кто отвечал за распределение пищи. Жестокость представителей системы «самоуправления» (в основном это были «криминальные» и «асоциальные» узники) отмечалась во всех воспоминаниях бывших узников концлагерей и даже в мемуарах представителей СС [1]. Без знания, что собой представляла и как функционировала система «самоуправления», невозможно понять образ жизни нацистских концлагерей.

Целенаправленное уничтожение

В воспоминаниях И. В. Артюхова и узниц Равенсбрюка встречаются сведения о категориях заключенных. Много внимания отводилось описанию рабского труда, повседневного террора, псевдомедицинских экспериментов, убийств по политическим и расовым мотивам. Эти обстоятельства настолько врезались в память, что их невозможно было забыть до конца дней. «Как-то в Кингисепе фашистам кто-то указал на женщину-

еврейку. А у нее был сын – 4 года. Нас построили в ряд. На глазах у матери – ее держали за руки – стали подбрасывать мальчика вверх и стрелять в него, в живого... Я стояла и, чтобы не видеть, глаза закрыла...» [11], – рассказывала З. П. Савельева. Несколько раз на грани жизни и смерти оказывалась кумычка Патимат Ибашева. Первый такой случай описал Дм. Трунов. Он произошел, когда пленниц гнали пешком от Севастополя в Симферополь. Эсэсовцы по нескольку раз в день отбирали евреев на расстрел. Черноволосая, смуглая Патимат, «нос чуть с горбинкой», привлекла внимание одного из них:

«– Юде? – рывкнул он и потащил Патимат.

Хорошо, что поблизости оказалась Клава Денисова.

– Нет, нет, – закричала она. – Это не еврейка. Это кумычка! Кавказ!..

Эсэсовец подумал, промышчал что-то, оттолкнул Ибашеву и пошел прочь. Девушка из Дагестана осталась жива» [14].

Второй случай, который нашел отражение в воспоминаниях, произошел в Равенсбрюке при отборе очередной партии евреев на уничтожение. Тогда тоже подействовало слово «Кавказ», и Патимат осталась в живых [5, с. 653].

И. В. Артюхов описывал, что происходило в так называемом «хитром домике» Бухенвальда. «Большое светлое помещение. Обслуживающий персонал в белых халатах. На стенах – медплакаты. Общий медосмотр... К столу врача – длинная очередь. Спрашивали: “На что жалуетесь?” Все ответы записывались в специальную карточку. После записи направляли в следующее помещение на измерительный прибор. Подвижная планка касалась затылка... и человек переставал существовать. Глухой выстрел из мелкокалиберного пистолета. Труп – в вагонетку и в печь крематория» [16, д. 115, л. 4]. «По приказу Гимmlера на территории Бухенвальда был выстроен двухэтажный корпус 46-го блока. Ученые в белых халатах проводили медосмотр узников. Заключение с крепкими организмами отбирались, направлялись в 46-й блок, и там бесследно исчезали. Ученые специализировались на сыпном тифе. Вырабатывали противотифозную вакцину для солдат и населения Германии» [Там же].

Психологическое состояние в экстремальных условиях: адаптация и реадaptация

Особый интерес у исследователей вызывает изучение психологического состояния человека в экстремальных условиях нацистского концентрационного лагеря. Полуголодное существование, жесткая регламентация распорядка дня, тяжелый, изнурительный, порой бессмысленный труд, частые телесные наказания, непредсказуемость обстановки быстро приводили заключенных в состояние полного истощения – физического и психологического.

По мнению психологов, опирающихся на мемуары бывших узников концлагерей австрийского врача, психотерапевта, психолога и философа В. Франкла (Аушвиц (Освенцим)) и австрийского врача-психоаналитика Б. Беттельхайма (Дахау и Бухенвальд), заключенные проходили процесс адаптации, в котором было несколько последовательных стадий или этапов [4]. Условно это стадия защитных реакций, когда заключенные находились в состоянии шока; стадия протеста, когда поведение оставшихся в живых заключенных менялось в сторону проявления активности; стадия истощения и стадия стабилизации [13, с. 44]. На стадии истощения напряжение уступало место безразличию. Но и тогда благодаря мотивационным, моральным и волевым качествам часть заключенных в экстремальных условиях концлагеря демонстрировала не регресс, а эволюцию, развитие личности [Там же, с. 47]. «Обстановка безудержного произвола, насилия и надругательства морально угнетала и слабила людей. Нужна была большая сила воли, чтобы не поддаться разрушительному режиму лагеря» [5, с. 653].

На стадии стабилизации у одних заключенных наступала полная апатия, у других установка, ориентированная на будущее, образовывала внутреннюю основу и помогала осуществлять целенаправленную деятельность, совершать волевые усилия. С. В. Аристов, описывая систему «самоуправления» в лагере, сделал вывод, что в повседневной жизнедеятельности этого лагерного механизма возникала некоторая область свободы, наполнение которой – предательством или подвигом – зависело в первую очередь от самих узников [1].

Некоторые авторы выделяют еще одну стадию, представляющую несомненный научный интерес, – стадию реадaptации – возвращение освободившегося из заключения человека в социум. Мы имели возможность наблюдать этот процесс по воспоминаниям И. В. Артюхова и К. А. Денисовой. Их воспоминания первых послевоенных лет содержат тяжелые подробности и детали. Более поздние записи и материалы бесед позволяют говорить о постепенной адаптации бывших узников в послевоенном обществе. В то же время ничем нельзя было стереть из их памяти горестные воспоминания, и далеко не всегда бывшие узники нацизма встречали понимание у окружающих, поэтому многие из них, особенно с годами, предпочитали не рассказывать о пережитом.

12 мая 1945 г., в числе первых репатриированных, И. В. Артюхов был отправлен на Родину. Вернувшись в Махачкалу, он работал на государственной службе, а в 1969 г. вышел на пенсию. Почти через 40 лет после событий (декабрь 1982 г.) И. В. Артюхов пишет: «Целое поколение отделяет человечество от злодеяний, творившихся в концлагере политзаключенных в Бухенвальде. Воздух над ним чист и прозрачен. Но человеку здесь, если он ЧЕЛОВЕК, немогут! Сжимает тисками сердце. Гарь и дым все еще висят, непроницаемой пеленой окутывают лагерь. Дышать нечем, стынет кровь! На территории Бухенвальда теперь возвышается монумент с фигурами воинов-узников, полный веры в правоту и торжество того дела, за которое боролись» [16, д. 115, л. 46].

К. М. Поветьева и А. В. Блянова в мирное время вернулись к работе в народном суде г. Махачкалы, а П. М. Ибашева, мать четверых детей, трудилась на Махачкалинской дезинфекционной станции. К. А. Денисова после войны работала в Дагпотребсоюзе и, по словам одного из авторов статьи – Г. Ш. Каймаразова, вела большую общественную работу, в том числе в сфере культурно-просветительной деятельности, особенно

интенсивно – в период подготовки выборов в органы власти. Общительная и жизнелюбивая К. А. Денисова охотно встречалась с молодежью и, выполняя клятву, данную у стен Равенсбрюка спустя 25 лет после окончания войны, – «детям детей рассказать обо всем», – делилась тяжелыми воспоминаниями своей молодости в надежде, что ужасы, пережитые в женском лагере смерти четырьмя девушками из Дагестана, не повторятся никогда.

Продержаться и даже выиграть в противостоянии узников и лагерного режима помогали организованная борьба с системой, хоть какая-то дающая реальные результаты трудовая деятельность, участие в оказании помощи заключенным, находящимся в более тяжелом положении, сохранившиеся ценностные ориентации, обращение к своим культурным корням и традициям и т.д.

Не стать рабами без своей культуры

Несмотря на ужасы повседневности, в нацистских концентрационных лагерях шла своя культурная жизнь. Как зеницу ока заключенные берегли книги, удивительным образом сохраненные ими в условиях ужаса тюрем и концлагерей. Из воспоминаний В. А. Поветьева: «Для воодушевления, чтобы не думать о страшном допросе, мы по очереди караулили у дверей, а Ваня Поклад читал чудом занесенную в камеру “Анну Каренину”» [Там же, л. 8]. Из рук в руки для чтения вслух передавали друг другу томик «Евгения Онегина» узницы Равенсбрюка. История его появления в лагере была такова. Узникам-чешкам поручали разбирать и сортировать фашистские трофеи, среди которых попадалась одежда советских солдат и офицеров. В карманах этой одежды женщины находили обрывки советских газет, а однажды обнаружили карманное издание поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Узницы берегли его от взгляда бдительных надзирательниц как самую дорогую реликвию.

В лагере Равенсбрюк представительницы разных национальностей исполняли песни своих стран, организовывали нелегальные концерты в блоках. Песни помогали поддерживать дух узниц. Вот один случай из жизни Равенсбрюка. В числе унижительных процедур в лагере была маршировка вдоль бараков. Женщин заставляли ходить до изнеможения, а когда они падали, их избивали и спускали собак. Однажды советские узницы решили устроить акцию протеста. С вечера они почистили и привели в порядок одежду, а на следующий день во время маршировки выставили в первый ряд самых красивых девушек и, поравнявшись с надзирательницами, запели: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна...». Слова «Священной войны» подхватили чешки, потом польки. За этой песней последовала другая, потом еще и еще. Никакие крики и побои не смогли остановить пение. Это была настоящая победа узниц, после которой унижительная «прогулка» была отменена [5, с. 655].

В нацистских лагерях заключенными создавались произведения, представлявшие настоящее лагерное искусство, в частности рисунки, выполненные узниками, песни, сочиненные ими. Большинство из этих песен являлось переложениями на известные мелодии новых текстов. Так было с песней «Концлагерная», написанной в 1944 г. на музыку «Раскинулось море широко» и привезенной из нацистского плена дагестанскими узницами Равенсбрюка.

*Концлагерная
Раскинут концлагерь широко
С электро-высокой стеной,
Враги привезли из далека
Нас с Родины нашей родной.*

*Исчезли родимые пашины
Любимой Советской страны,
В концлагерь эсэсовский страшный
На муки врагам отданы.*

*Здесь мучают, бьют, истязают,
Здесь голодом морят людей,
Здесь в мрачных застенках пытаются,
Томят здесь и малых детей.*

*Здесь русская пленница бьется,
Как птица в неволе, в сетях,
А сердце на родину рвется,
Болит о семье, матерях!*

*Не надо грустить, дорогая,
С фашистом борись, а не плачь!
Уж скоро вернемся из края,
Где мучил нас зверь и палач!*

*Последняя буря проходит,
Гремит гром, стихая в горах,
А солнце свободы восходит,
Над пленницей в дальних краях [16, д. 115, л. 18]...*

Достоверно авторство текста нам пока установить не удалось. Возможно, он, как и «Крематорий» («Я хочу рассказать о камине одном...»), был сочинен Александрой Соковой. Для А. Соковой лидер советских военнопленных в Равенсбрюке Евгения Лазаревна Клем, которую узники из Дагестана вспоминали как «замечательную женщину и кристально чистую коммунистку» [5, с. 653], с помощью политических заключенных доставала все необходимое, чтобы та могла писать стихи [2, с. 264]. Песни на мотив «Раскинулось море широко» писались и исполнялись узниками концлагерей довольно часто, в этом помогал вальсовый напев, о чем в одной из своих статей писал Л. Н. Пушкарев, приводя тексты четырех таких песен узниц данцигского лагеря [12].

Среди литературных жанров лагерных произведений преобладало поэтическое творчество. В ЦГА РД сохранилось несколько стихотворений И. В. Артюхова, посвященных Родине, друзьям, записанных им после освобождения в апреле 1945 г. Вот несколько отрывков из этих стихотворений, написанных незатейливым слогом, которые вполне можно отнести к «наивной» поэзии.

Родина-мать

*Здравствуй мать, дорогая Отчизна,
Здравствуй, милая Родина-мать!
Как мне хочется, Родина милая,
После долгой разлуки тебя повидать!..*

*Брызнут слезы от счастья и радости,
Буду землю свою целовать!
Так прими же привет, моя милая Родина,
Дорогая, любимая мать.*

Родине

*Скоро я вернусь к тебе, родная,
Солнцем обожженная земля!
В памяти мелькают звезды мая
Над стеною древнего Кремля.*

*На тебя нисколько не похожи,
Скучные, враждебные края,
Много мне теперь в стране дороже,
Родина далекая моя [15, д. 15, л. 7-8]...*

Эти стихотворные тексты привлекают внимание, прежде всего, личностью автора, а повторяющийся в них образ Родины, обращение к советской риторике при воспроизведении стихов оказывали успокаивающее действие, выполняли адаптивную функцию.

Спротивление системе и освобождение

Некоторые узники не ограничивались борьбой за собственное выживание, а вступали в активное противостояние с лагерной системой. Так, в Бухенвальде подпольная национальная организация, в состав штаба которой входил И. В. Артюхов, подняла восстание, сорвав планы немецкого командования по уничтожению лагеря со всеми заключенными.

Восстание узников Бухенвальда, с содержанием подробностей происходившего, описано его непосредственным очевидцем и участником В. В. Логуновым в его книге [9]. На взгляд С. О. Кипарисовой, изучавшей художественный текст произведения, информация этого нарративного источника является достоверной и позволяет проанализировать события с тактической, психологической и исторической точек зрения [6]. Это мнение в полной мере можно отнести и к воспоминаниям узника из Дагестана И. В. Артюхова, которые позволяют восполнить имеющиеся пробелы в рассказе В. В. Логунова.

И. П. Концедалов рассказывал о работе подпольной организации «Братский Союз военнопленных» («БСВ»), которая должна была сохранять в своих рядах безусловную дисциплину, наносить ущерб врагу и его стране, устранять предателей и бороться против власовцев, вести советскую пропаганду и саботаж на военных предприятиях Германии. Клавдия Поветьева, Клавдия Денисова, Анастасия Блянова входили в подпольную организацию «Интернациональное коммунистическое кольцо» [16, д. 115, л. 15-19] – русскую секцию «Братского Союза военнопленных» в женском концентрационном лагере Равенсбрюк. Члены организации должны были поддерживать у заключенных бодрость духа, противодействовать фашистской агитации, организовывать саботаж на работах и сопротивление лагерному режиму и т.д.

И конечно же, в воспоминаниях обязательно был сюжет об освобождении из ненавистного плена. «В какой восторг пришли мы, когда над Равенсбрюком пролетел первый советский самолет! Увидев красные звезды, мы плакали, но это были слезы радости. Кстати сказать, фашистам редко удавалось своими жестокостями вызвать у нас слезы...» [5, с. 658].

Словам В. В. Логунова – «американцы восторгаются мужеством бывших узников Бухенвальда» [6] – в своих воспоминаниях вторит И. В. Артюхов: «Они восхищались, как это мужественные узники смогли освободиться сами... На третьи сутки после нашего освобождения в Бухенвальд вошли регулярные части американской армии, административная служба и куча корреспондентов» [16, д. 115, л. 6]. В. Н. Поветьев вспоминал,

что после занятия частями американских войск г. Веймара их командование приказало организовать для жителей этого города «экскурсию» в лагерь смерти, чтобы те воочию увидели злодеяния нацистов. «Их провели по баракам, где задыхались истощенные, полумертвые люди, как бы предупреждая: “Смотрите! Это сделали нацисты! Это не должно повториться!”» [Там же, л. 9].

Заключение

Итак, в результате осуществленного исследования мы пришли к следующим **выводам**. События, связанные с историей нацистских концентрационных лагерей, не теряют своей актуальности, особенно в условиях, когда участились попытки искажения исторической правды о самой масштабной и самой кровопролитной из всех войн, с которыми столкнулось человечество, что может подготовить почву для повторения случившегося.

Воспоминания узников концентрационных лагерей, несмотря на их субъективный характер как источника личного происхождения, дают нам вполне достоверное знание о преступлениях нацистского режима, создавая живую историческую картину характеризуемых в исследовании событий. Критический анализ использованных эго-документов, проведенный с учетом имеющихся источниковедческих и историографических наработок, с использованием междисциплинарного подхода, позволяет судить об организации пространства концлагерей, о быте, рабском труде, психологическом состоянии заключенных, фактах повседневного террора, псевдомедицинских экспериментов, истязаний и убийств по политическим и расовым мотивам, о системе «самоуправления» в концлагерях, участии узников из Дагестана в деятельности подпольных организаций и в культурной жизни нацистских лагерей.

Оказавшиеся в нашем распоряжении воспоминания позволили осветить некоторые аспекты культурной жизни в нацистских концентрационных лагерях, а также проанализировать произведения лагерного искусства, к примеру стихи и песни, сочиненные в том числе узниками из Дагестана.

Исследование в определенной мере восполняет пробел в изучении вопросов, касающихся отдельных концлагерей, и выполнено на стыке традиционной истории, истории повседневности, исторической и социальной психологии, что определяет его междисциплинарный характер. Его результаты представляют интерес для историков, социологов, психологов, культурологов, филологов и могут быть использованы не только в научной, но и в воспитательной и педагогической деятельности.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся в дальнейшей работе по выявлению и сбору воспоминаний бывших узников концлагерей, фотоматериалов, отложившихся в архивных хранилищах и частных коллекциях, особенно в условиях, когда эта часть свидетелей преступлений нацизма сходит с исторической сцены. Но еще сохранилась возможность получить данные, позволяющие восполнить историческую картину о функционировании лагерной системы нацистов в частности и террористического аппарата нацизма в целом, преступных деяниях нацистов, о лагерном быте, об использовании труда заключенных, о взаимоотношениях между заключенными, о заключительном периоде существования лагерей, обрести сведения о наименее изученных лагерных комплексах на территории стран Европы и Советского Союза (в нашем случае – о лагерях на территории Норвегии). Важно это делать с применением междисциплинарного подхода, изучением вопросов ментальности и гендерных отношений.

Материалы исследования прошли научную апробацию на Всероссийской научной конференции «Битва за Кавказ (1942-1943 гг.): стратегическое и военно-политическое значение» (г. Махачкала, 28 октября 2020 г.), посвященной 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне [3].

Список источников

1. Аристов С. В. «Лагерное самоуправление» в нацистских концентрационных лагерях: между сопротивлением и коллаборационизмом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18241914> (дата обращения: 21.09.2020).
2. Аристов С. В. Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. М.: Молодая гвардия, 2017. 319 с.
3. В ДГУ прошла Всероссийская научная конференция «Битва за Кавказ» [Электронный ресурс]. URL: https://riadagestan.ru/news/education/v_dgu_proshla_vserossiyskaya_nauchnaya_konferentsiya_bitva_za_kavkaz/ (дата обращения: 10.11.2020).
4. Власенкова Е. Г. О психологических особенностях людей, находившихся в нацистских концентрационных лагерях в годы Второй мировой войны [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27339664> (дата обращения: 01.10.2020).
5. Дагестанцы на фронтах Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.: воспоминания участников / отв. ред. Г.-А. Даниялов; сост. О. Блюмфельд, А. Мелешко, М. Кичев. Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1960. 710 с.
6. Кипарисова С. О. «В подполье Бухенвальда» - бесценный опыт организации вооруженного восстания [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35610634> (дата обращения: 01.10.2020).
7. Корнева Л. Н. Зловещий лик нацистского Януса: историки ФПГ о системе концентрационных лагерей // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 301. С. 50-53.

8. Корнева Л. Н. Современная немецкая историография о механизме контроля и подавления нацистского государства: гестапо и концентрационные лагеря // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2. № 3 (59). С. 71-76.
9. Логунов В. В. В подполье Бухенвальда: записки узника фашистского концлагеря. Рязань: Кн. изд-во, 1961. 208 с.
10. Малышева Е. М., Аристов С. В. Концентрационные лагеря Третьего рейха: центры хранения документов и источниковая база исследования проблемы // Военно-исторический журнал. 2017. № 9. С. 80-88.
11. Память поколений: документальный фильм / авт. З. Рамазанова. Махачкала: РГВК «Дагестан», 2013.
12. Пушкарев Л. Н. Песни «данцигских полонянок» (из воспоминаний фольклориста-фронтовика) // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 3-9.
13. Суровицкая Т. Б. Влияние условий нацистских концентрационных лагерей на личность заключенного // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 4. С. 43-49.
14. Трунов Дм. Узницы Равенсбрюка // Дагестанская правда. 1959. 23 августа.
15. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 1395-р. Оп. 4.
16. ЦГА РД. Ф. 1405-р. Оп. 1.

Информация об авторах | Author information

RU**Каймаразов Гани Шихвалиевич**¹, д. ист. н., проф.**Каймаразова Лейла Ганиевна**², к. ист. н.^{1,2} Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала

EN**Kaimarazov Gani Shikhvalievich**¹, Dr**Kaimarazova Leila Ganievna**², PhD^{1,2} Institute of History, Archaeology and Ethnography

of Dagestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala

¹ kaymarazova@mail.ru, ² kajmarazova64@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.11.2020; опубликовано (published): 30.12.2020.

Ключевые слова (keywords): Вторая мировая война; нацистские концентрационные лагеря; повседневная жизнь; историческая память; воспоминания; The Second World War; Nazi concentration camps; everyday life; historical memory; memoirs.